

The illustration depicts a heroic scene set against a background of blue, wavy water. A hero, wearing a green tunic, a purple cape, and a green helmet with a plume, stands atop a white horse. He holds a long, silver sword in his right hand and a laurel wreath in his left. The white horse is galloping, with its mane and tail flowing. Below them, a large, green, scaly sea monster with a long tail and a wide, toothy mouth is being trampled. The monster has a large, spiky fin on its back. The overall style is that of a classic children's book illustration.

В. И. ДАМЬ

МАПРОССКИЕ
ДОСУГИ

Издательство «Детская литература»

Владимир Даль

Матросские досуги (сборник)

Издательство «Детская литература»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)1-4

Даль В. И.

Матросские досуги (сборник) / В. И. Даль — Издательство
«Детская литература»,

ISBN 978-5-08-004255-3

Известный русский писатель и ученый Владимир Иванович Даль (1801–1872) написал эту книгу для чтения матросам военного флота. Она содержит короткие рассказы из истории отечественного флота, о мироустройстве, о замечательных случаях на море. Для среднего и старшего школьного возраста.

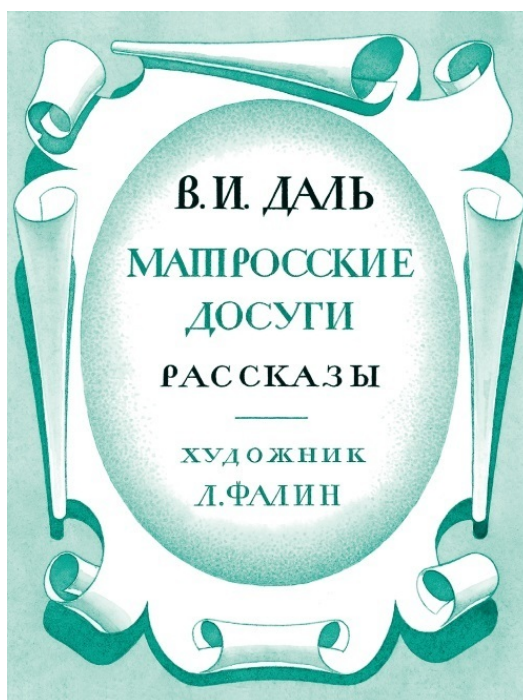
УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)1-4

ISBN 978-5-08-004255-3

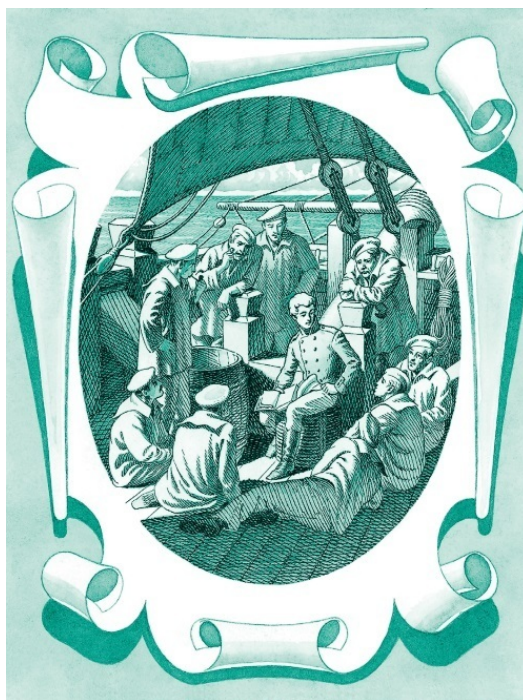
© Даль В. И.
© Издательство «Детская литература»

Содержание

Предисловие	7
Вселенная	14
Матка	24
Воздушный шар	28
Ветер	34
Таблица умножения	35
Акула	43
Заклад	46
Водопой	48
Встреча морского царя	49
Играй назад	51
Три супостата	52
Пословицы	55
Первый корабль	56
Корабельный мастер	58
Холмогорские горшки	59
Петербург	60
Сержант Щепотьев с товарищами	64
Спасение из плена	67
Первый поход	69
Первое сражение на Балтийском море	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Владимир Иванович Даль Матросские досуги

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ГОРОДА МОСКВЫ

Рецензент **В. А. Лебедев**,
член Союза журналистов Москвы и Союза писателей России, редактор издательства
«Пашков дом»

Составление и обработка для детей, предисловие и словарь **Л. Асанова**

Предисловие

Эту книгу написал более ста пятидесяти лет назад замечательный русский писатель Владимир Иванович Даль. И создавал он ее вовсе не для детей, а для взрослых читателей – для матросов русского военного флота.

Имя Даля в наши дни известно широко. Это он первым записал такие народные сказки, как «Старик-годовик», «Снегурочка», «Война грибов» и другие, которые знает сегодня каждый ребенок. Взрослым имя Даля памятно тем, что он составил четырехтомный словарь русского языка, а также собрание пословиц, поговорок, загадок русского народа. Кроме того, Даль был известным в свое время писателем. Его замечательные повести, рассказы, очерки занимают около четырех тысяч страниц в многотомном собрании сочинений.

Владимир Иванович Даль родился в 1801 году в городе Лугани (ныне Луганск). Его отец, медик, выходец из Дании, отдал сына в столичный Морской кадетский корпус. Даль окончил его в числе лучших учеников, принял участие в нескольких плаваниях, пять лет прослужил на Черноморском флоте. Недовольный косностью, злоупотреблениями чиновников, он уходит с флота, поступает в университет, получает профессию врача. В дальнейшем жизнь его делилась между чиновной службой, к которой он относился со всей свойственной ему старательностью, литературными занятиями и работой по собиранию словаря и свода пословиц. «Несносно честный и правдивый» – так говорили о нем товарищи по службе. Во все, что ему доводилось делать, Даль стремился вникать до мелочей, ничего не упускал из виду. Эта внутренняя дисциплина позволила ему в течение жизни свершить великое множество трудоемких дел.

И главным из них было, разумеется, составление знаменитого «Толкового словаря». В нем собрано и растолковано, объяснено около 200 тысяч слов! Среди них, по определению самого Даля, «речения письменные, беседные, простонародные; общие, местные и областные; обиходные, научные, промысловые и ремесленные; иноязычные усвоенные и вновь заходяие, с переводом; объяснение и описание предметов, толкование понятий общих и частных, подчиненных и сродных, равносильных и противоположных, с одно(тожде) словами и выражениями окольными; с показанием различных значений, в смысле прямом и переносном или иноречиями; указания на словопроизводство; примеры с показанием условных оборотов речи, значения видов глаголов и управления падежами; пословицы, поговорки, присловья, загадки, скороговорки и проч.».

Открывая тома словаря, не веришь, что все это изобилие прошло через руки одного человека. Словарь Даля – энциклопедия, свод знаний о русском народе, о том, как он живет, как думает, как работает, как говорит. С каждой страницы будто слетают слова необычные, причудливые, поразительные. Недаром словарь можно читать, как увлекательную книгу.

Героический труд по созданию «Толкового словаря» занял сорок семь лет – срок целой человеческой жизни! Сорок семь лет напряженной каждодневной работы, требующей колоссальной сосредоточенности, тщательности, упорства, безжалостности к себе!

Работа Даля уже с начальной поры вызвала интерес передовых людей русского общества. Далею присылали подборки слов с объяснениями, сборники пословиц и поговорок. В предисловии к «Толковому словарю» он нашел теплые слова благодарности для всех своих добровольных помощников.

Работа над словарем конечно же потребовала от составителя поистине энциклопедических знаний. Человек замечательной любознательности, неутомимого трудолюбия, редкой наблюдательности, Даль коротко был знаком «с бытом России почти на всех концах ее», знал ремесла, был докой в крестьянском труде и быте, в казачьем обиходе, изучил не только медицину, но и геологию, астрономию, ботанику, военное дело, многие другие науки. Кроме русского он знал еще двенадцать языков.

Одной из задач, которые поставил перед собой Даль, было дать народу полезные для него знания. Он писал для крестьян, для солдат, для матросов, стараясь в простой, доступной форме рассказать о важных, серьезных вещах. Одной из таких книг стал и сборник «Матросские досуги», изданный в 1853 году.

Русский флот тех времен был по большей части парусным. Плавали на нем матросы, набранные по рекрутскому набору со всех концов России. Многие из них с детства и моря-то не видели. Можно представить себе, насколько необычной была для них морская жизнь,

насколько непривычным и тяжелым – труд на корабле. Большинство новобранцев были неграмотны, в школах не обучались и всерьез верили, что Земля плоская и покоится на трех китах. Вот таким-то новичкам и адресовал свою книгу Владимир Даль.

Он терпеливо растолковывал сведения, известные ныне всякому младшекласснику: о строении Вселенной, о движении Земли и Солнца, о морских животных... Разве не любопытно прочесть сегодня забавные стишки, которыми Даль пытался помочь матросам запомнить таблицу умножения? Но главная тема книги – это рассказ о краткой (чуть больше полутора столетий), но славной истории русского флота, о том, как спускались на воду первые корабли, совершались первые морские походы, одерживались первые победы, ковались славные традиции, которые предстоит поддерживать и умножать новым поколениям моряков.

Даль стремился писать подробно и точно, писать так, чтобы читатель не только ясно представлял себе происходящие события, но и мог решить для себя, как следует действовать в подобных обстоятельствах – будь это бой, буря или кораблекрушение. Иногда кажется, что автор книги нарочно щеголял морскими терминами для того, чтобы приучить к ним читателя, – на корабле всякая веревочка свое прозвание имеет.

Любимый герой Даля – Петр I. Неутомимый труженик, радеющий о благе страны, он то умело орудует топором на верфи, то запросто беседует с простыми людьми... Создавая его образ в «Матросских досугах», Даль отдал дань фольклорным традициям, сложившимся в изображении Петра в народных песнях и сказках.

В эту небольшую книжку вошли рассказы чуть ли не обо всех знаменитых сражениях русского флота: о Гангуте, Чесме, Наварине, о подвиге брига «Меркурий» и о геройстве воль-

ного моряка Герасимова с товарищами. И это не только история, но и назидание на будущее: надо держать ухо востро, а порох сухим.

Даль оказался пророком, когда писал о том, что «не в последний раз суждено было России воевать разом вдруг на обоих концах государства». Когда вышла эта книга, разгорелась война, известная в истории под названием Крымской, – но не только в Крыму, на Дунае и Кавказе, но и на Кольском полуострове, и на далекой Камчатке нанесли удары России Англия и ее союзники. Самым героическим эпизодом этой войны была одиннадцатимесячная оборона Севастополя – и можно полагать, что в перерывах между боями солдаты и матросы слушали, как читали им офицеры только что вышедшую книгу Даля.

Даль рассказал не только о русском военном флоте. Читатель найдет здесь биографию Колумба, истории, случившиеся в далеких морях, рассказы о небывалых случаях, грозных катастрофах, чудесных спасениях. С любовью говорил писатель, часто устами своих героев, о находчивом, сметливом русском человеке, который не опускает руки в самых, казалось, безнадежных обстоятельствах.

И все в этой книге – правда.

Конечно, писатель не смог (да и не собирался) рассказать все о русском флоте. К примеру, почти ничего не говорится о научных экспедициях русских мореходов, о таких выдающихся путешественниках, как Беллинсгаузен, Лисянский, Лазарев, о замечательных победах великого русского флотоводца – «Суворова морей» – Федора Федоровича Ушакова.

Ничего не найдет читатель здесь и о тяжелой доле матроса, о муштре и зуботычинах, выпадавших ему каждый день. «Недотянешь – быют, перетянешь – быют» – эту матросскую поговорку Даль в свой сборник не включил.

Сегодняшним читателям, большим и маленьким, может показаться необычным язык этой книги. Дело в том, что Даль сознательно использовал строй простонародной речи, тон доверительной беседы. А разве нам не интересно, как звучала живая разговорная речь полтора столетия назад?

И вот ходко бежит корабль в открытом море. Поскрипывают снасти, плещутся волны под высокими бортами. Свободные от вахты матросы собрались на баке вокруг бочки с песком – туда они стряхивают пепел из своих коротких трубок. На пустом бочонке устраивается поудобнее безусый еще гардемарин, открывает книгу и начинает читать...

Леонид Асанов

Вселенная

Дивно устроен мир. Рассыпана Вселенная по безмерному пространству, и бесчисленные светила движутся, словно по заведенным часам, от века и до века.

Дивно создан человек, умом и книжным ученьем доходит до премудрости: познаёт, что такое Вселенная – Солнце, звезды, Луна, Земля; познаёт, какими путями которое из тел небесных движется, как велики они в объеме и на каком друг от друга расстоянии.

Все это познал человек разными хитро устроенными снарядами, долгомерными подзорными трубами, прилежным учением и наблюдением, а также вычислил цифирными выкладками и проверил после выкладки эти на деле.

Если я, например, по скорости хода корабля, по направлению хода или курсу да по времени, сколько он шел курсом этим, – если я вычислю, что он к такому-то часу придет на такое-то место, и если на деле так выйдет, то, стало быть, выкладка моя верна: я проверил ее на деле и вижу, что я не ошибся, что дошел умом своим до дела. А если я такими же выкладками найду, где и в какую пору надо стоять такой-то звезде, и если она в урочный час станет там, то выкладка моя верна и ход звезды этой стал мне известен.

Солнце, которое светит нам и греет и живет нас, без которого не было бы ни тепла, ни света, – Солнце стоит на одном месте, посреди Вселенной, а Земля и прочие планеты катятся вокруг, на просторных, раздольных кругах. Взгляни на яблоню, когда яблоки на ней поспевают: одно, посредине, пусть будет Солнце, а прочие, вокруг, Земля и другие планеты; но все они бегут на кругах, словно взапуски, катятся, ровно ядро по земле, то есть ворочаются через себя, и в то же время подаются вперед. Ядро или бомба, пущенная по воздуху, летит также покато: сама вертится, вперед летит.

Какие ж это другие планеты кроме Земли, какие есть у нее товарищи на вековечном пути вокруг Солнца? А взгляните на звездное небо: звезда мерцает, словно глядит и щурится, играет огнями; а иногда промеж звезд увидите вы либо там либо тут яркую, светлую звезду другого вида: она не мельтешит, не мерцает, не горит огнем, а светит ровно и спокойно, как наша Луна. Вот это одна из планет.

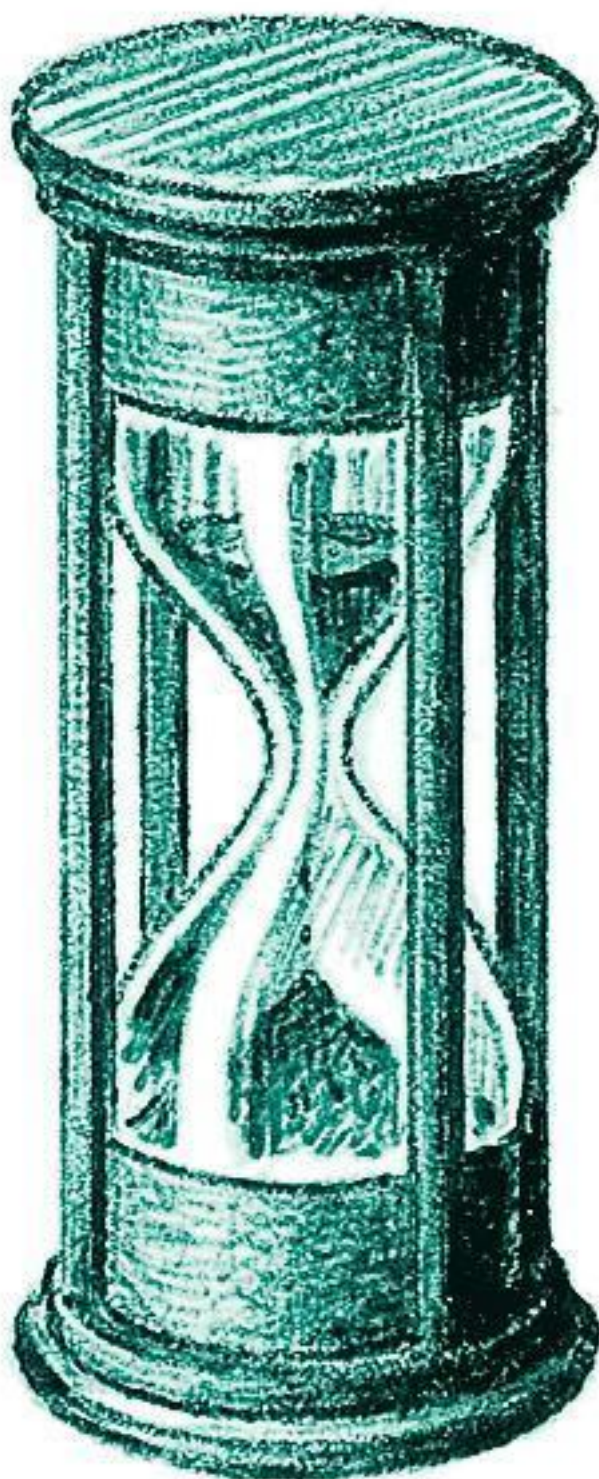

Больших планет, видимых глазами без трубы, – когда стоят они выше Земли, в нашей половине неба, – планет этих, считая также Землю, всего семь; но три из них так удалены от нас, что едва только видны бывают, как самые малые звезды. Считая от Солнца, планеты идут в таком порядке: Меркурий, Венера, Земля, Марс, Юпитер, Сатурн, Уран¹. Кроме них есть еще

¹ Во времена В. И. Даля еще не были открыты самые далекие планеты Солнечной системы – Нептун и Плутон.

с десятков малых планет, видимых только в большие подзорные трубы. Все они ходят вокруг Солнца разными кругами: Меркурий всех ближе к Солнцу, малым кругом, а Уран всех дальше, самым большим. Звезда, которую называют попросту збрницей, также утренней и вечерней звездой, – это Венера; кроме того, нередко можно видеть Юпитер, который походит на самую большую и светлую звезду, только не мерцает.

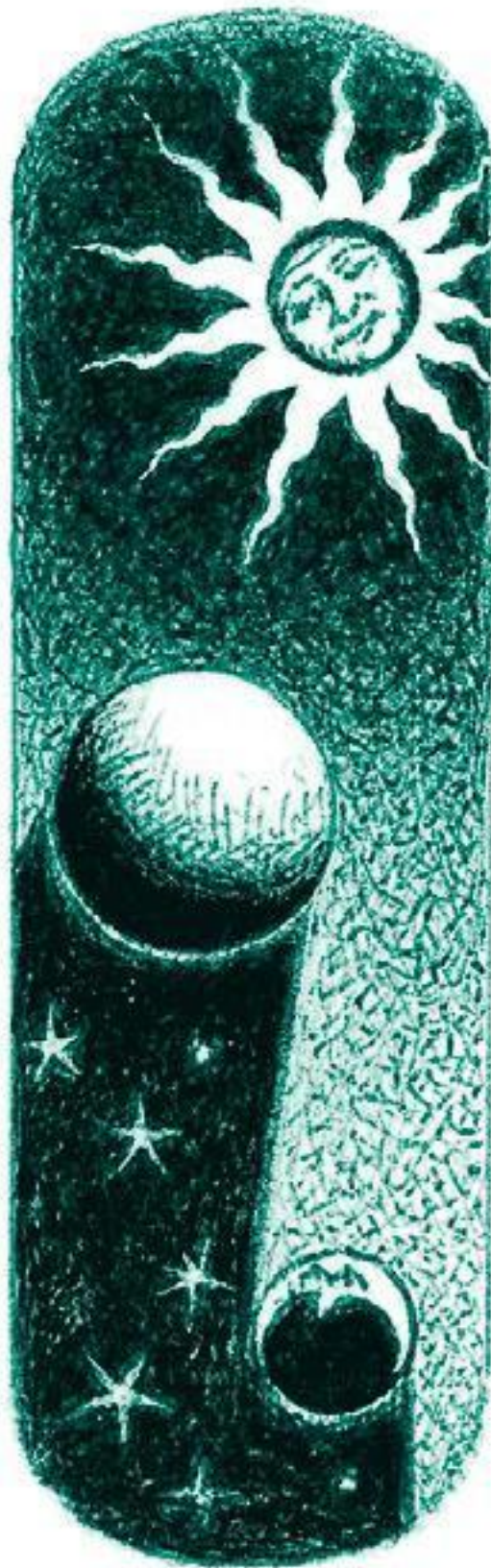
Поговорим теперь о Земле нашей. Говорится: Солнце течет вокруг Земли, Солнце восходит и заходит, а на деле Земля наша бежит вокруг Солнца, ворочаясь сама через себя, – и от этого бывает день и ночь, зима и лето и счет годами. Как Земля вокруг себя оборотилась – так и сутки прочь; который бок Земли смотрит на Солнце, на том боку день; а который смотрит прочь от Солнца, там потемки, ночь. На окраинах, промеж дня и ночи, промеж света и потемок, – сумерки: по одному краю заря утренняя, по другому вечерняя; там восходит Солнце, тут заходит. По самой середине между восходом и закатом, на той полосе Земли, которая стоит прямо по отвесу против Солнца, будет полдень; а по другую сторону шара земного, супротив полудня, будет полночь.

Из этого видно, что утро и вечер, полдень и полночь, по мере того как Земля катится, обходят кругом всю Землю и что поочередно для всех жителей земных бывает ночь и день. Из того же видно, что для всякого места бывает свой полдень и полночь, и, стало быть, у всякого места свои часы. Петербургский час на московский не приходится; коли поставишь в Питере часы по Солнцу и приедешь с ними в Москву, то они будут не верны, ставь их по московскому солнышку. Что дальше на восток, то Солнце раньше восходит; раньше приходит на полдень, раньше заходит.

В триста шестьдесят пять суток Земля обегает вокруг Солнца, и это мы называем годом. Заметим, что Земля обходит Солнце не ровно в триста шестьдесят пять дней, а еще в шесть часов; эти-то шесть часов в четыре года составляют сутки, – и вот почему каждый четвертый год бывает високосный: для верного счета мы прибавляем один накопившийся день.

Земля летает вокруг Солнца скорее всякой птицы перелетной, да без всякого сравнения скорее, чем ядро, пущенное из пушки. Ядро пролетает в одну секунду не более полуверсты, а Земля – страшно вымолвить – двадцать одну версту в секунду!

Отчего бывают на Земле четыре времени года – это растолковать на словах не совсем легко. Если проткнуть шар, например арбуз или яблоко, спицей и катить его, ровно колесо, то,

сравнив его с Землей, можно сказать, что самая средняя полоса шара, по которому он катится, называется экватором, или кругом равноденствия; а две точки, где вошла спица, – полюсами. Если бы Земля вертелась вокруг Солнца так, чтобы ось Земли стояла по одному отвесу с осью Солнца, то по полосе экватора было бы всегдашнее лето, а по обе стороны ее – всегдашняя зима, потому что под прямым лучом Солнца бывает жарко, а под пологим холоднее; так и в полдень бывает жар, а утром и вечером прохладнее. Но ось Земли, вокруг которой она вертится, наклонилась против оси Солнца; поэтому зима и лето переходчивы. Однако все-таки поблизости экватора жарче: туда лучи Солнца попадают прямее, отвеснее; а у полюсов холоднее: что ближе к ним, то лучи Солнца ложатся отложе, более вкось и вскользь.

Скажем слово о Луне: она спутник, провожатый наш; она такой же шар, как и Земля наша, только в тринадцать раз поменьше. Она катится вокруг Земли, как Земля вокруг Солнца. Но есть малая разница: Земля летит вперед покато и потому сама, оборачиваясь вокруг оси своей, поворачивает к Солнцу посменно все лицо свое, все стороны; а Луна бежит так, что показывает Земле всегда одну и ту же сторону, одно лицо. Это то же, что привязать ядро или яблоко на веревку и пустить его вокруг головы.

Теперь перейдем опять к небесам, ко Вселенной.

Мы сказали, что знаем о Солнце, о Земле с Луной и о прочих планетах, а о звездах не говорили. Звезды, которые светятся яркими искрами, играют алмазами, – звезды эти такие же солнца, как и наше родимое солнышко; да, каждая из видимых нами звезд – солнце, и вокруг каждого из них, надо думать, обращаются такие же миры, как и вокруг нашего Солнца. Их не

видать, конечно, и это одна догадка, но догадка верная. Коли есть ясное солнышко, которое в безмерном расстоянии кажется нам звездой, то оно для кого-нибудь да светит; стало быть, есть у него и свои миры.

Вот какая безмерная даль от нас и до этих отдаленных солнышек: они видны нам только ночью, когда все вокруг темно, да и тогда только что мелькают звездочками!

Так хитро и мудро, уму нашему непостижимо устроена Вселенная: Солнце наше с Землей и с другими планетами – все это плавает на весу по широкому, глубокому, далекому простору, которому нет конца!

Матка

Говорить ли вам, братцы, о том, что Земля наша кругла, почему она и называется земным шаром? Думаю, что всякий матрос слышал об этом, а иной и видел.

Как так видел? Да вот как.

Немудрено, коли церковь, если глядишь на нее издали, уходит наполовину в землю: ее покрыло горой или пригорком и низа не видать. Но мудрено то, отчего на море, где ни гор, ни пригорков нет, мачты корабля показываются тебе наперед, а корпус бывает закрыт; подойди ближе, и мало-помалу откроется корпус. Отчего ж это? Оттого, что если Земля кругла, то и море повсюду должно стоять горбом. Возьми пушечное ядро, да расставь по нему две смоляные пешки, да прогляди их на глаз; промеж них горбок, который закрывает одну пешку от другой.

А случилось ли тебе, стоя на баке да окидывая море глазом вокруг, где оно примыкает к небу, – случилось ли призадуматься над тем, почему край моря всегда пролегает кругом, ровно обручем? Коли нет, то, стало быть, ты глядел, да не видел; а дело так, как я говорю. Почему же ты завсегда видишь круг? Потому, что раз Земля кругла, как шар, так она кругла повсюду, откуда ни гляди. Где ни стань пальцем на ядре, а другим, как вилкой, обводи – везде выйдет круг.

Кто слышал про лунное затмение? Чай, сами видали его. Лунное затмение – тень Земли на Луне, когда Земля наша придется прямо промеж Солнца и Луны. Край тени этой всегда бывает круглый, а один только шар или ядро бросает всегда круглую тень, как его ни поверни. Возьми какую хочешь вещь, кроме ядра, да поставь от свету супротив стены и ворочай – тень не будет кругла; а возьми ядро – тень всегда будет круг.

А кто из вас хаживал в дальние походы, того уж нечего учить: обошедши Землю вокруг да не споткнувшись нигде на пороге, не видав ни грани, ни перевалу с лица наизнанку, поневоле скажешь, что Земля кругла.

Шар земной несется покатоком вокруг Солнца. Проткни яблоко насквозь гвоздем, обороти его боком к свече, которая будет Солнцем, и оборачивай яблоко, повертывая гвоздь между пальцев все в одну сторону, – вот как бежит и оборачивается Земля. Гвоздем Земля не проткнута, но поперечник, на котором вертится она, называется осью; оба конца его – где воткнут и выткнут гвоздь – полюсами, а пояс по самой середине Земли, по которому она будто катится, – равноденственным кругом, или экватором.

Полюсы, или два пупа Земли, всегда отворочены от Солнца, вверх и вниз; поэтому там вечный холод. Равноденственный круг всегда стоит отвесно под Солнцем, и это край самый знойный. Земля в сутки оборачивается вокруг оси своей; в год обходит вокруг Солнца.

Без имени овца – баран; поэтому пуп, или полюс, который ближе к нашим местам, называли Северным, а другой – Южным. Стрелка матки, или компаса, одним концом всегда указывает на север, другим на юг. В одной половине земного шара, в той, где мы живем, на север, то есть к полюсу, холод, а на юг, то есть к равноденственной полосе (экватору), жарко. По ту сторону полосы этой, на другом полушарии, наоборот: там холоднее у своего полюса, у южного; а оттуда на север, значит, ближе к середине, к равноденственному кругу, жарче.

Расстояние места от равноденственного круга, меряя напрямик к полюсу, называется широтою места, а расстояние его поперек, меряя по экватору, от какого-нибудь другого места, – долготою. Широта и долгота нужны, чтобы обозначить точку на шаре, где место это стоит. Так, например, широта полюса будет ровно четверть круга (90°), а долготы не будет никакой. На экваторе, наоборот, по всему кругу широты не будет никакой, потому что широту начинают мерить и считать от самого равноденственного круга; долгота же какого-нибудь места на экваторе будет такая, на сколько место это удалено от той точки на экваторе, которую условились признавать началом этого счета.

Если провести по Земле черту от самого пупа через то место, где мы стоим, и до экватора, то эта черта называется меридианом. Когда Солнце стоит супротив этой черты, то у нас бывает полдень.

Мы на глыбе своей, на Земле, оборачиваясь вокруг, не видим этого, хотя и смотрим; нам кажется, будто Солнце ходит вокруг Земли, будто оно всходит и заходит. Ты ли понесешься на пароходе вдоль берега, берег ли побежал бы полосой мимо тебя – для глаз одно.

Из этого видно, что север и юг немудрено найти, потому что это концы оси, концы поперечника, вокруг которого Земля вертится. Но где на Земле восток и запад? Север и юг для всех один; иди все на север, и коли дошел бы через непроходимые льды, так мог бы стать на самом полюсе и указать: вот где север. То же можно сказать о юге. Но где восток и где запад? Иди по экватору на восток – и обойдешь вокруг, придешь опять на старое место, а востока не увидишь. Это потому, что востоком называем мы не место на Земле, а ту сторону, где восходит Солнце – восход; западом же ту, где Солнце заходит, заходит. На сколько ты пойдешь к востоку, на столько он от тебя уходит. Почему? Потому, что Земля кругла.

Вот вам и компас, который беломорцы наши зовут маткой: север (норд), юг (зюйд), восток (ост), запад (вест) известны. Но ветры дуют не с четырех сторон, а со всех, плывем мы также не только на четыре стороны, а во все, куда придется путь держать. Поэтому весь круг компаса разделили на тридцать две части, по восьми в каждой четверти, назвали каждую черту румбом, дали ей кличку – и дело в шапке. Откуда бы ветер ни задувал, куда бы мы ни держали курс, всегда можно назвать сторону эту своим именем.

Осталось одно: начертить компас на бумаге, написать на нем все тридцать два румба да заучить их. Без этого матрос не матрос.

Воздушный шар

Ходит и ездит человек по земле; подрывается он и под землю, добывая руду и другие потребности; плавает по воде, пускаясь морем в дощанике вокруг всего земного шара. Но этого всего мало: захотелось подняться выше лесу стоячего, ниже облака ходячего и полетать, поплавать по воздуху.

Отчего судно плавает по воде? Оттого, что оно легче воды; оно сядет в воду настолько, чтобы выдавить под собою свой вес воды, а там и устроится; больше ему грузнуть не от чего. Железо много тяжелее воды, у нас и пословица говорит: пошел ко дну, как ключ, плавает потопорному. Но пусти на воду посудину из листового железа – и она поплывет. Почему? Да потому, что объем велик; такой кузовок будет грузнуть в воду, поколе не выдавит под собой столько воды, сколько в нем самом весу, а потом и станет.

А полоса железа отчего тонет? Оттого, что, сколько бы она ни погружалась, с ней не прибудет объема, а объем этот мал, тесен, не может занять в воде столько места, сколько сам весит, – железо тяжелее воды.

Но из железных листов можно делать и мореходные суда и делают, как вы знаете, пароходы. И человек тонет в воде, а коли подвяжет пары две бычачьих, надутых воздухом пузырей – так делается легче воды и не тонет. Пузыри весу прибавляют мало, а объему много – вот почему они и не дают тонуть.

Воздух – та же вода, мы в нем плаваем, как рыба в воде; да только мы гораздо тяжелее воздуха, который много сот крат реже и легче воды. У рыбы есть плавной пузырь, она его то надувает, то сжимает, и сколько ей нужно воздуха, чтобы не быть тяжелее воды, столько держит его; коли хочет идти на дно, сжимает в себе пузырь этот, умаляя и все тело свое; коли хочет всплыть – распускает или раздувает пузырь, и все тело ее делается толще. Само собой разумеется, что живая рыба, кроме того, помогает плавниками, хвостом, гребет и правит.

Вот затейникам и пришло на ум, что если бы у человека был такой плавной пузырь, чтобы ему с пузырем по объему стать легче воздуха, то можно бы подняться в небо. А чтобы не улететь вовсе, в нескончаемое поднебесье, то есть и на это стопор: воздух наш упруг, как пуховая подушка, – чем больше давить его, тем теснее сляжется; поэтому нижние слои воздуха, на которых лежат верхние, гораздо гуще – и чем выше подыматься, тем воздух жиже. Так что человек с плавным пузырем, кабы такой нашелся, поднявшись от земли, по легкости своей

будет подыматься до тех пор, поколе не придет в равновесие, то есть в такой слой, который легче нижнего слоя и где поднявшаяся тяжесть по объему своему может устояться.

Но в человеке нет такого пузыря, его не раздуешь. Надо приделать пузырь этот к нему снаружи – все одно. А чем его надуть? Что у нас есть легче воздуха? Кажется, нет ничего!

Но дан человеку такой разум, такая сметка, что человек до всего добирается.

Воздух упруг: его можно сжать, стиснуть – можно и распустить, разжидить; надо только умеючи за это взяться. От холода, от мороза воздух густеет, от жары редее. Если сделать большой, легкий пузырь – шар, а снизу оставить в нем дыру на обруче и под этой дырой развести огонь, то пузырь раздуется, воздух в нем станет редеть, лишек его будет выходить в нижнюю дыру, а наконец, коли воздух станет так редок и жидок, что вместе с шаром сделается легче воздуха наружного, то шар подымется вверх и полетит. Коль скоро же воздух внутри шара остынет, то он сожмется, осядется, пузырь обомнется, опадет и свалится на землю.

Попытайтесь сделать вот что: возьмите простой бычачий пузырь, смятый, как есть; завяжите его туго-натуго, размочите, чтобы он стал погиче, а потом согрейте его осторожно – на огне либо в печи. Как только воздух в нем – хоть его и очень немного – согреется, так он станет расплываться, расширяться, пузырь надуется и сделается полным, словно набитым; как остынет он, так воздух опять съжмется, и пузырь по-прежнему ляжет в складки, опадет.

Вот первый род воздушных шаров. Шьют большой шар, сажени в две или в три поперечником, из легкой шелковой ткани; шар этот покрывают лаком, чтобы он держал воздух; на шар сверху накидывают сетку, от сетки опускают вниз бечевки, а за бечевки подвешивают челнок. Поставив на челнок, под самую дыру шара, жаровню или очажок с горящим спиртом, можно согреть воздух в шаре до того, что и шар, и с ним челнок поднимаются на воздух. Покуда человек, севший в челнок, станет поддерживать огонь, шар будет подыматься и плавать по воздуху; а коли станет убавлять огонь, то шар начнет опять опускаться на землю.

Но есть еще и другой способ, другой род воздушных шаров. Если на железные опилки налить воды и купоросной (серной) кислоты, то от этого состава пойдут пузыри; но пузыри эти не из того же воздуха, как тот, которым мы дышим; пузыри эти, если поднести к ним огонь, как только выйдут из-под воды, загораются и хлопают, стало быть, это воздух, да другой; наш не горит, а это горючий. Горючий воздух² в десять или пятнадцать крат легче нашего воздуха, а потому коли им надуть такой же легкий шар пузырем и подвязать к шару легонький челночок, то человеку можно на нем подняться.

Не более восьмидесяти лет, как люди стали пускаться на воздушных шарах в полеты. Много смельчаков погибло за этими попытками: иной с шаром своим упал в море; другой

² Газ водород.

по неосторожности вдруг выпустил из шара воздух и упал пластом из-под облаков на землю; случилось и то, что шар на воздухе загорался.

Но человек смел: счастливый к обеду, роковой под обух. Всяк надеется на счастье, всяк надеется миновать рокового обуха, и ныне много людей то тут, то там пускаются на воздушных шарах по воздуху. Счастливый им путь!

Но управлять воздушными шарами досель не умеют. И немудрено. Во-первых, потому, что воздух жидок, на лету судно ни руля, ни даже весел не слушается. Говорят: на воде ноги жидки, а уж на воздухе и подавно. Во-вторых, и потому, что весь шар со всем прибором сносит ветром, а против ветра управлять нельзя ничем. Поэтому воздухоплаватели и пускаются всегда только с попутным ветром.

Толщина или высота всего воздушного слоя вокруг шара земного менее ста верст. Этот слой воздуха, с облаками своими, называется атмосферой. Воздухоплаватели не подымались выше шести верст от земли: чем выше, тем морознее и тем воздух реже, так что там тяжело дышать и даже иногда кровь идет и ртом, и носом.

Ветер

– Подумаешь, страстей-то сколько на море бывает! – сказал мужичок, беседуя с земляком своим, матросом. – А все, стало быть, от ветру?

– От ветру, – отвечал матрос.

– А отчего же это ветер бывает на земле? – продолжал мужичок.

Такой вопрос озадачил было матроса, которому никогда не приходило на ум призадуматься над ветром; но как человеку бывалому нельзя же было ему оставаться в долгу.

– Отчего ветер? Да вишь сверху-то небо, а снизу-то вода либо земля, а с боков-то ничего нет – ну, оно и продувает.

Таблица умножения

Придет Маслена – будет и блин.
Одиножды один – один.

Волга Дону пошире.
Дважды два – четыре.

Нет книг у дяди, а карты есть.
Дважды три – шесть.

Хлеб жнем, а сено косим.
Дважды четыре – восемь.

Без закваски хлеб не месят.
Дважды пять – десять.

На руках, на ногах пальцев двадцать.
Дважды шесть – двенадцать.

Пять пальцев долой – пятнадцать.
Дважды семь – четырнадцать.

Дважды девять – восемнадцать,
Дважды десять – двадцать.

У кого аршин, тому и мерять.
Трижды три – девять.

Слушай ухом, без восьми двадцать.
Трижды четыре – двенадцать.

Трижды пять – пятнадцать,
Трижды шесть – осьмнадцать.

Мучицы да маслица – вот тебе и блин.
Трижды семь – двадцать один.

Мало ль диковин в Божьем мире.

Трижды восемь – двадцать четыре.

Днем свет, а ночью темь.

Трижды девять – двадцать семь.

Четырежды четыре – шестнадцать,

Четырежды пять – двадцать.

На мосту – по-татарски на купере.

Четырежды шесть – двадцать четыре.

Угодно откушать, вот милости просим.

Четырежды семь – двадцать восемь.

Кто атаман, у того и булава.

Четырежды восемь – тридцать два.

Велика честь, да нечего есть.

Четырежды девять – тридцать шесть.

И крот в своем углу зорек.

Четырежды десять – сорок.

Кинь указку, пойдем гулять!

Пятью пять – двадцать пять.

Коли нет, так нечего взять.
Пятью семь – тридцать пять.

И мал золотник, да дорог.
Пятью восемь – сорок.

Бери оглоблю, пойдем воевать!
Пятью девять – сорок пять.

Отлежал бока, оттого и болят.
Пятью десять – пятьдесят.

Мастер Самсоныч лапти плестъ.
Шестью шесть – тридцать шесть,

То кит-рыба, а то плотва.
Шестью семь – сорок два.

Что заслужили, то и носим.
Шестью восемь – сорок восемь.

Кто сказку слышал о царе Кире?
Шестью девять – пятьдесят четыре.

Полезай на стену, коли велят.
Шестью десять – шестьдесят.

Дурни плодятся – не надо их сеять.
Семью семь – сорок девять.

Ино прилечь, ино и присесть.
Семью восемь – пятьдесят шесть.

Чего не знаешь, того не ври.
Семью девять – шестьдесят три.

Рядком суммы на простенке висят.
Семью десять – семьдесят.

Не буянь у хозяина на квартире.
Восьмью восемь – шестьдесят четыре.

Живи, поколе на плечах голова.
Восемью девять – семьдесят два.

Делам своим всяк сам господин.
Девятью девять – восемьдесят один.

Что хитро, то и просто.
Девятью десять – девяносто.

Полно долбить, покинь долото!
Десятью десять – сто.

Акула

Мы плыли у африканских берегов. Матросы увидели акулу, которая долго держалась за кормой, будто ждала подачки и просила позволения потешиться. С гика спустили чрез блок толстый канат, на который навязана была цепь с острым крюком и большим куском мяса. Акула подошла к приманке и отстала опять; но в то самое время, когда думали, что она вовсе отказывается от закуски, она кинулась на нее стрелой и, повернувшись вполоборота навзничь – потому что пасть у нее снизу, – проглотила и мясо, и крюк, и с четверть аршина самой цепи.

Матросы с криком «ура» ухватились за канат, но акула с такою лютостью бросалась из стороны в сторону, что гик, а с ним и весь ют вздрагивали; надо было обождать и дать зверю уходить. Он бросался отвесно в глубину и, засаживая себе крюк еще глубже в тело, вдруг останавливался, рванув цепь так, что гик дрожал

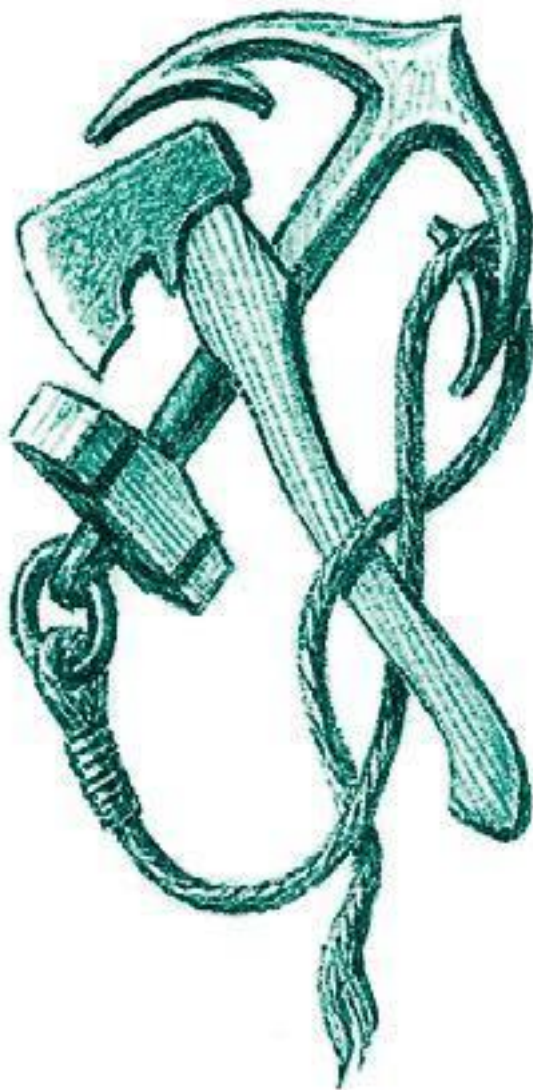
и покачивался. Боялись, чтоб толстый строп от блока не оборвался, и закрепили конец каната за кнехт у бизань-мачты. Потом акула пустила слабинку и вдруг опять метнулась в сторону и пошла ходить на кругах, подергивая цепь туда и сюда. Наконец она утомилась. Тогда стали ее подымать и послали расторопного матроса на гик, с петлей, чтобы подвести ее снизу и накинуть на акулу с хвоста.

Между тем она, будучи подвешена за крюк, отрывисто вздрагивала, изгибалась и хлестала хвостом; темная кровь лилась у нее из пасти, в которой видны были по временам несколько рядов острых треугольных зубов, точно будто бы поставлено было рядом, одна за другою, несколько крупных пил.

Проморив ее тут на весу часа два, наконец решились вытащить на ют. Но только что она слышала перед собой опору, как начала хлестать и метаться во все стороны, так что нельзя было приступить к ней. С трудом ее добились и, не доверяя смерти этого опасного и живучего зверя, наперед всего отрубили ей голову, а потом уже разрезали.

В 1828 году Готье, командир французского корабля, также поймал акулу и, считая ее уже давно мертвою, – потому что она была разрублена и распотрошена, – хотел рассмотреть пасть и четыре ряда зубов ее. Не успел он всунуть неосторожно руку в страшную пасть эту и раскрыть ее, как она судорожно сомкнулась, и все пальцы с половиною кисти руки капитана Готье, как отсеченные самым острым топором, остались в закрытой пасти.

Мясо акулы едят, но оно жестко. У нее пасть далеко отнесена от носу, под испод головы, и распорота поперек, дугой. Это самая прожорливая тварь, которая у неосторожных купальщиков нередко отхватывает как ножом руку или ногу.

Весьма замечательно, что перед акулою всегда плавает быстрая маленькая рыбка, называемая лоцманом; иногда их бывает две-три, но всегда они носятся взад и вперед около чудовища, как будто состоят при нем для прислуги на посылках, и никогда ее не покидают. Говорят, что рыбка эта живет пометом акулы, а потому и не отходит от нее.

Заклад

Англичанин-спорщик, охотник до закладов и притом отличный пловец, прибыл во Францию на людей посмотреть и себя показать. Переехав пролив и остановившись в гостинице в Кале, он тотчас же стал расспрашивать, какие в этом приморском городе есть известные пловцы и водолазы. Ему назвали несколько человек. Он осведомился, кто и где они, сказав, что желал бы с ними познакомиться.

Англичанин пошел пройтись по городу, а хозяин гостиницы и несколько дармоедов, занимающихся тем, чтобы ловить на удочку богатых проезжих англичан, стали расспрашивать служителя про приезжего гостя и, узнав все, что им нужно, – то есть что он богат, чудак, спорщик, охотник до закладов и что ему нет ровни в искусстве плавать и нырять, – тотчас разгласили об этом по городу.

Не успел он воротиться в гостиницу, как к нему уже явился скорый и бойкий француз, сказавший о себе, что он первый пловец и водолаз во всей Франции.

– А-а... – сказал англичанин. – А я не последний в своем отечестве. Стало быть, нам не стыдно потягаться?

– Я готов, извольте назначить час, место и условия.

– Час, – сказал англичанин, – хоть завтра с рассветом; место – да вот взморье, у пристани; а условия – тысяча фунтов (на наши деньги шесть тысяч целковых).

Ударили по рукам, пробеседовали дружно вечер, запили условия и положили плыть вдоль берега, покуда один из двух, выбившись из сил, откажется.

Англичанин выходит в назначенный час на берег, готовый кинуться в море, и видит, что бойкий противник его уж тут и также готов, но тащит с собой какой-то огромный мешок.

– Это что значит? – спросил англичанин, который хотел пуститься в море как мать на свет родила и без всяких припасов.

– А это моя дорожная сума с харчами, – сказал француз. – Тут хлеба немного, сыру, ветчинки, баклага с водой – ведь воду, по которой мы поплывем, пить нельзя, – да еще три бутылочки вина для подкрепления сил.

– К чему же это, куда?

– Как к чему! Да разве вы хотите меня уморить голодом! Этого уговора не было!

– Я полагал, что достаточно будет закусить на берегу и пообедать по окончании дела.

– Благодарю покорно, я не намерен во все время постничать.

– Да на сколько же времени вы собираетесь в поход? – спросил озадаченный англичанин.

– Не знаю, как сила возьмет. Я, бывало, суток по трое и по четверо держался. Я беру харчей на неделю. Говорится: едешь на день, а хлеба бери на неделю.

Англичанин, не говоря ни слова, поклонился и, достав шесть тысяч целковых, отдал их француз, раскланялся и отправился домой.

Таким образом балагур француз получил заклад, а еще никому не было известно, умел ли он плавать!

Водопой

Полтавец, который в первый раз от роду пришел с обозом в Одессу, пригнал волов своих в море на водопой. Волы понюхали да и отвортили рыло от воды в сторону. Чумак удивился, отчего у него волы не хотят пить такой чистой воды, а потому по привычке своей зачерпнул ее рукой и сам отведал. Выплюнув ее и поморщась, он покачал головой и сказал:

– Тим-то воно таке здоровенне, ще його не який бис не пье!

Встреча морского царя

Почти у всех европейских народов заведено праздновать в море день перехода судна через экватор – это самая срединная полоса земного шара, середина жаркого пояса. При этом поздравляют, а иногда и купают или окачивают водою тех, кто в первый раз переходит из Северного полушария в Южное. Распоряжается всеми затеями обыкновенно первый проказник между матросами, которому командир позволяет явиться на шканцы в наряде морского царя, или дедушки-водяного.

Первое русское судно перешло экватор 26 ноября 1803 года под командой капитана И. Ф. Крузенштерна. Один только командир до этого бывал уже в Южном полушарии, остальные все были новички. Должность дедушки-водяного, который в пеньковом парике и тулупе наизнанку вышел встречать гостей своих, поручена была матросу Павлу Курганову. Он явился с острогой, или трезубцем, красно балагурил, много наставлял о чудесах жарких стран и выпросил у командира по чарке вина на команду, так как у него самого для потчеванья и угощения дорогих гостей не было никаких запасов, кроме морской соленой воды. Этою водою он и окатил на угощении всю команду. Обыкновенно все это делается так.

Получив тайком позволение командира потешиться, морской царь засылает гонца, разубранного и расписанного сажей и мелом. Гонiec этот иногда ходит на деревяшке или на костылях и торопится вприпрыжку из-под бака в ют. По словам: «Милости просим!» – выползает из люка сам морской царь, в вывороченном тулупе, в шутовской шапке, с острогой в одной руке и с кузнечным мехом в другой, – значит, он же и царь ветров. Иногда царедворцы сажают его на колесницу из пушечного станка, в которую запряжены львы или медведи. У царедворцев его у кого рыба в руках, у кого рак или раковина, и у всякого по ведру воды из-за борта.

Водяной допрашивает команду, зачем они пришли в царство его, и требует с них за это дань. После разных шуток он освобождает от дани всех тех, кто уже проходил царство его, то есть экватор, и платил пошлину прежде, а остальных окачивает водой.

Иногда водяной высылает после гонца звездочетов своих, которые берут высоту Солнца, делают исчисление и объявляют, что корабль вошел в царство водяного и вот сейчас только переваливается из Северного полушария в Южное.

Конец всего этого – много шуток и смеху да чарка вина.

Играй назад

Гуляя в праздник, матрос угостил себя и товарищей музыкой: они встретили цыгана со скрипкой. Натешившись вволю, хозяин пирушки этой дал цыгану гривну и пошел было с товарищами своим путем. Но скрипач нашел, что ему за труды мало гривны, и стал неотступно просить еще хоть пятака. «Один камаринский больше стоит, – говорил цыган жалобно и настоятельно, – а я камаринского сыграл вам раз десяток».

– Нет у меня ни гроша, – сказал матрос, – хоть обыщи сейчас. А коли ты сыграл нам лишку, так давай сам сдачи: играй камаринского на пятак назад!

Три супостата

Не знаю, правда ли, а говорят, будто нашего брата русака подчас одолевают три супостата прирожденные: **авось**, **небось** да **как-нибудь**. Есть и пословица, сложенная на этот лад: «Русский-де человек на трех сваях стоит: **авось**, **небось** да **как-нибудь**».

Поклеп это, как я полагаю, и русский человек такому греху не причастен. Мало ли что врут; ведь говорится же и такая пословица: «Бей русского – часы сделает!» Так будто и это правда? Говорят же: «Мужик глупее вороны и хитрее черта». Так будто и это правда?

Однако с чего-нибудь да берутся такие речи. От слова не сбудется, но слово-то с чего-нибудь да взялось; с ветру только губы смякнут.

Когда идешь на худое дело, не говори **авось**, вот тут-то супостат этот и обманет. Не думай: «*Авось* пройдет, *авось* не увидят, не узнают» – спохватишься шапки, когда головы не станет, – авоська веревку вьет, небоська петлю накидывает. А коли путное, молодецкое дело на уме, тогда пускайся смело на *авось*: тут оно редко тебя выдаст.

Когда худое на уме, не говори **небось**: беспутному делу *небось* плохая подмога. Стыдно тебе станет, коли храбрость твоя пойдет на худое, да еще и удачи не будет: *небось* тебя выдаст как пить даст. А после плохо, сам знаешь: каяться-то можно, да вернуть нельзя. А коли закричать: «Охотнички, за мной!» – тогда не раздумывая говори *небось* — и пошел.

Третий недруг наш – **как-нибудь**; это мужик – посконная борода. Сделать дело *как-нибудь* – это не годится, и что бы ни взял в голову либо в руки, все делай не по конец пальцев, не так, чтобы с рук долой, а с ног собаки тащи – а делай так, чтобы работа мастера хвалила. Говорится, что дело мастера боится, а иной мастер дела боится, и вот таким-то мастером, который дела боится, не следует быть никому. *Как-нибудь* лапоть плетут, да и то концы хоронят: без этого нельзя. *Как-нибудь* хотел мужик мужика в шею ударить, да свернул себе большой палец: и тут без сноровки нельзя. *Как-нибудь* тетерка шагает, так и за то в силочку попадает: без оглядки не ходи. Сделаешь *как-нибудь*, так никак не будет, а хуже того, что и вовсе не сделано.

«Нам, – говорят „хорошие“ мастера, – лишь бы мерку снять да задаток взять; тесны сапоги разносятся, а просторные ссядутся – такова наша работа!»

А добрые люди отвечают на это: «Нет уж, носи сам. Сама себя раба бьет, коли не чисто жнет».

Так из трех свай этих, ребята, одна вовсе никуда не годится, пусть она себе без помину пропадает; этой третьей свае кличка: **как-нибудь**. А о двух первых, которым кличка **авось** да **небось**, можно молвить так: ведь на авось мужик и хлеб сеет! Коли дело доброе, бери на авось и веруй в небось, а коли нет – так брось.

Пословицы

Иди в море на неделю, а хлеба бери на год.

За морем телушка – полушка, да рубль перевозу.

На воде ноги жидки.

Хвали море, а сиди на берегу.

Сиди у моря да жди погоды.

Солдат в поле умирает, матрос в море, мужик в яме.

Не море топит, а лужа.

Кто в море не бывал, тот и лужи не боится.

Не верь морю, а верь кораблю.

Плывучи морем, бойся берега.

И в море что в поле: не столько смертей, сколько страстей.

Морем плыть – вперед глядеть.

Под носом вижу, а под килем не вижу.

Без лота – без ног; без лага – без рук; без компаса – без головы.

Не выдавши моря, не видал и горя.

Хорошо море с берегу. Море что горе: красно со стороны.

С моря жди горя, а от воды – беды.

От моря хоть горе, а без него нет и того.

За морем теплее, а у нас светлее.

За морем веселье, да чужое, а у нас горе, да свое.

С огнем не шути, с водой не дружись, ветру не верь.

Море даст, что возьмешь.

Первый корабль

В 1697 году царь Петр Великий, находясь в Голландии для личного изучения корабельного мастерства, заложил своими руками и построил с помощью взятых им с собой из России дворян и голландских плотников шестидесятипушечный корабль длиною в триста футов, названном «Петр и Павел». Он был спущен, вооружен, оснащен и отправлен в Архангельск – тогда еще у нас балтийского поморья не было, оно было шведское, – и этот корабль, к которому царь ходил на работу с топором за поясом, был первый русский военный линейный корабль.

Но первые корабли русской постройки сделаны были в Воронеже, на верфи, основанной в 1694 году. В 1696-м первая донская флотилия, спущенная на воду, состояла из двух военных кораблей, двадцати пяти галер, двух галеасов и четырех брандеров и из Воронежа прошла Доном в Азовское море. Сорокапушечный фрегат «Ластка» в 1699 году был первым нашим военным судном на Черном море. Он отвез русского посла, думного дьяка Емельяна Украинцова, в Царьград (Константинополь) и нечаянным появлением своим там перепугал турок и наделал много тревоги.

После Воронежа верфь заложена была в Брянске; потом, для Каспийского флота, в Нижнем Новгороде; затем, после завоевания Невы и основания северной столицы, Петр Великий в 1704 году начал там строить суда; а в то же время корабли строились в Архангельске и покупались у англичан и голландцев.

Таким образом прозорливый царь в несколько лет создал гребной и парусный флоты на всех сопредельных нам морях, видя, что без этого пособия не быть у нас свободной торговле, ни даже крепости государству. Только с этого времени Россия стала выходить из-под зависимости Швеции и Турции, а вскоре сделалась и победительницей над ними.

Корабельный мастер

Петр Великий, первым из русских изучив кораблестроение и зная его так основательно, что мог быть хорошим плотником и самым мастером, стоял в списке своих корабельных мастеров, получал наряду с ними жалованье, закладывал сам и строил суда.

Когда он выходил в одежде корабельного мастера, то требовал, чтобы все прочие мастера обходились с ним запросто, и сам чествовал их товарищами. Он хаживал к ним в гости, обходился без чинов и, проводя поучительную беседу за закуской, сам удостоверялся в знании и заботливости их.

Холмогорские горшки

Петр Великий, наведавшись в третий раз в Архангельск, спустив там со стапеля два фрегата и заложив несколько судов, осматривал все купеческие суда, малые и большие, милостиво беседовал с хозяевами, русскими и иностранцами, поощряя их к торговле и мореплаванию. Он ходил также по лодкам и баркам, пришедшим из Холмогор с разными крестьянскими изделиями и припасами. Осмотрев, между прочим, лодку с горшками и побеседовав с хозяином, государь упал было с кладки³, положенной на лодке; доска сорвалась и, упав, перебила много товару. Мужик почесал затылок и в простоте молвил: «Вот тебе и выручка!» Царь усмехнулся и спросил: «А много ли?» Мужик отвечал: «Да теперь не много, а было бы алтын на сорок». Царь пожаловал ему червонцев, сказав: «Торгуй, разживайся, а меня лихом не поминай».

³ С мостков.

Петербург

До государя Петра Великого Русь была царство материковое и примыкало к морю только на самом севере, в Архангельске. Ни балтийских земель, ни черноморских у нас не было: первые были заняты шведами, вторые – турками.

Море разделяет государства, море их и связывает: посуху нет ни дешевого и удобного проезда, ни провоза товаров и торговли. Широкий и далекий материк отделял Русь от всех государств; нельзя было иначе попасть в одно, как проехав несколько других; а потому мы были всегда связаны, словно в осаде, и в зависимости от других: они могли пропускать и не пропускать к нам и от нас товары и путников и могли накладывать какую хотели пошлину; мы сидели ровно в мешке.

Вот как важны море и флот!

На то время, как нарочно, шведы сами задевали нас и, считая себя посильнее, хотели войны. И точно, тяжело было Петру бороться с ними: флоту до него не было ни щепки, а воины наши были плохи, то же, что ныне турецкие или персидские, – храбрости довольно, да ни порядку, ни умения; а говорится: умение дороже богатырства. Так-то царю надо было в то время и самому учиться, и других учить, и новое войско строить, и флот создавать, и во все время воевать.

Но силен и велик был царь этот духом, и шел он своим путем, ничем не смущаясь, и говорил: «Неприятель мой будет мне друг, хоть и не вдруг, а сперва надо его победить». Петр Великий положил: не мириться со шведами, доколе не отдадут ему балтийских земель и моря. «Тут стану я твердо пятой, – говорил он, – тут заложу новую столицу, на земле завоеванной, и примкну ее ко всем прочим государствам». Как сказал, так и сделал.

Край, где теперь лежит Петербург, назывался тогда Ингрия, Ингерманландия. Главная крепость его была на острове, при истоке Невы из Ладожского озера, Нотебург, названная потом нами Шлиссельбург. Шведы разбили нас под Нарвой и готовились к сильному нападению, как вдруг в 1702 году, в исходе сентября, Петр явился с войском под этой крепостью, которая встретила его пальбой из ста сорока орудий. Начальствовал у нас Шереметев, а царь принял звание капитана бомбардирской роты Преображенского полка и исправлял должность эту на деле.

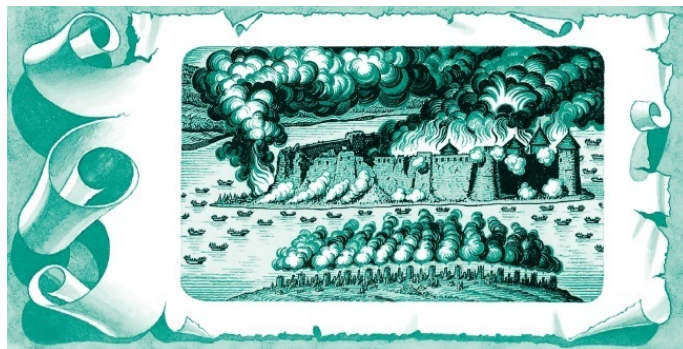
Войско наше дошло левым берегом, а пятьдесят судов, которым нельзя было пройти мимо крепости, перетащены были переволоком, по просеке, из Ладожского озера в Неву; они переправились ниже крепости на правый берег и перевезли туда орудия и войско. Стали сильно обстреливать крепость с обоих берегов. Царь был день и ночь на своей батарее, управлял, учил, наводил орудия и стрелял своими руками. В десять дней сделали три пролома; охотников перевезли в лодках на остров, к крепости, и они пошли на приступ; шведы отбили их; на помощь было послано еще два гвардейских полка, с лестницами, но лестницы были не в меру коротки, и шведы били наших, которые лезли очертя голову. Видя это, государь отослал с берега приказание через поручика от бомбардир Меншикова, не лучше ли отступить, но князь Голицын, начальник приступа, видя, что неприятель много потерял и слабеет, отдал громко

приказание, чтоб лодки отвалили от острова, сказав: «Либо все ляжем здесь, либо русское знамя поставим!»»

Тринадцать часов длился этот приступ – и крепость сдалась 11 октября. Гарнизону в ней было всего четыреста человек, из которых не более двухсот пятидесяти уцелело, и из них было сто пятьдесят раненых. У нас было двадцать пять офицеров и до четырехсот восьмидесяти солдат убитых да девятьсот солдат и двадцать один офицер раненых. Вот как шведы оборонялись, что на каждого из них пришлось больше чем по одному убитому и по два раненых с нашей стороны! В занятой нами крепости было сто тридцать восемь орудий.

На другой год (1703-й) войска наши под предводительством самого царя осадили 26 апреля другую шведскую крепость – Ниеншанц, находившуюся на месте теперешнего Охтенского адмиралтейства⁴, и 1 мая завладели ею и семьюдесятью восьмью пушками.

⁴ Ныне Петрозавод, бывший судостроительный завод в Санкт-Петербурге.

Только что мы заняли крепость эту, как шведская эскадра под командою вице-адмирала Нумберса подошла к устью Невы, 2 мая, и сделала два сигнальных выстрела. Шереметев приказал отвечать тем же, и на эскадре полагали, что все благополучно; она бросила якорь, и одна шнява и большой бот с припасами и снарядами для крепости вошли в Неву. Ночь их захватила, и они остановились у Васильевского острова. А царь и поручик от бомбардир Меншиков, прошедши на тридцати лодках Фонтанкой, в темную дождливую ночь, тихо подошли к судам этим и бросились на abordаж. Их встретили пушечной и ружейной пальбой, но уже поздно: оба военных судна были взяты. Одно было о десяти, а другое о четырнадцати пушках; из семидесяти семи человек экипажа в живых осталось только девятнадцать. В самом abordаже участвовали у нас только восемь лодок.

Шведская эскадра удалилась; Нева и Ладога остались за нами; 16 мая 1703 года государь положил основание новой столице своей, Петербургу, заложил Петропавловскую крепость. За победу эту и в особенности за личную храбрость при взятии двух неприятельских судов abordажем царь принял поднесенный ему орден Св. Андрея Первозванного и был в это время четвертым кавалером в государстве своем. Бомбардирский поручик Ментиков также награжден был орденом Св. Андрея за этот подвиг; офицеры же и солдаты, участвовавшие в победе, получили медали с изображением Петра и с надписью: «Небывалое бывает».

Сержант Щепотьев с товарищами

Приступив к Выборгу в 1706 году, Петр Великий узнал, что шхерами пробираются в море несколько неприятельских купеческих судов. Тотчас, 12 октября, царь выслал за ними пять лодок с сорока восьмью рядовыми под командой Преображенского полка сержанта Щепотьева, бомбардира Дубасова да двух флотских унтер-офицеров, Скворцова и Наума Синявина.

Ночь захватила лодки эти в запутанных проходах между островками, а сверх того, пал такой туман, что наши перед носом ничего не могли видеть и шли, как говорится, ощупью. Они вовсе заплутались и вдруг попали на неприятельский военный бот «Эсперн». Не зная, на кого они наткнулись, наши, не робея, закричали «ура», бросились всеми пятью лодками на неприятеля, влезли на судно, несмотря на пушечную и ружейную пальбу его, и в одно мгновение перекололи и посталкивали за борт всех, кого застали наверху, а прочих, накрыв и забив люки, заперли внизу.

Только что они успели спрятаться, очистить палубу и пуститься на завоеванном боте в путь, как другой такой же, стоя вблизи и услыша пальбу, поспешил на помощь. Но урядники Скворцов и Синявин, взяв под начальство свое пленное судно, так хорошо успели на нем распорядиться, что встретили второй бот пушечной пальбой из первого, между тем как с лодок пустили беглый огонь. Второй бот спешно удалился и скрылся в темноте и тумане.

Разобравшись кое-как, наши к утру воротились к своему стану, к берегу, и привели пленное судно. На нем было пять офицеров, сто три рядовых и четыре пушки; но под люками оказалось налицо всего тридцать человек, остальные были побиты. И немудрено: они оборонялись отчаянно. Из нашей команды оказалось тридцать убитых; а из остальных восемнадцати было только всего четыре человека раненых! Все радовались победе этой и скорбели по ней,

потому что, сверх того, все пять лодочных командиров были тяжело ранены и впоследствии четверо из них скончались от ран, а остался в живых один Синявин!

Об этом славном деле царь своей рукой писал Меншикову, Головину, Шереметеву и прочим и повелел тела наших убитых, сколько их привезено было, предать земле в Петербурге, с офицерскими воинскими почестями, при сопровождении целого батальона.

Спасение из плена

После неудачной Нарвской битвы 19 ноября 1700 года, за которую Петр Великий позже отомстил шведам, неприятель нарушил условия, заключенные с Шереметевым о сдаче. Нетерпеливый и недобросовестный, храбрый король шведский Карл XII, сам начальствовавший войсками своими, кинулся на отступавшую через реку Нарову расстроенную армию нашу, вопреки заключенного условия, и захватил что мог. Большая часть генералов, а в том числе и князь Яков Федорович Долгорукий, взяты были им, объявлены пленными и отправлены в Швецию.

Князь Долгорукий томился в неволе одиннадцать лет. В 1711 году шведы отправили его из города Якобштадта в город Умео; переход этот надо было сделать морем, и пленников посадили на шкуну.

Осмотревшись, князь Яков Федорович увидел, что есть надежда к спасению, – шведов было на шкуне всего двадцать человек, а наших – сорок четыре. Условились, чтобы во время субботней всенощной, которую служил на судне пленный же священник наш, при словах службы: «Дерзайте убо» – бросить вдруг весла (шли на гребле, а пленников русских посадили в весла); при словах же: «Дерзайте, люди Божия» – каждым двоим русским схватить по шведу, и если который из них станет противиться, то выкинуть его за борт.

Сказано – сделано. Шведы не успели опомниться, ничего не ожидая, как вдруг все были схвачены и перевязаны. Князь Яков Федорович сам бросился на шкипера и, приставив ему нож к груди, закричал: «Если хочешь быть жив, то вези нас домой – в Кронштадт или Ревель!»⁵

Шкиперу надо было повиноваться, хотя дело было не совсем легко исполнить. Шкуна эта назначена была только для берегового плавания, и на ней не было ни карт, ни сведущего или бывалого морехода. Но удача была на нашей стороне. Дошедши благополучно до острова Дакто, князь Долгорукий рассудил отпустить шведов, кроме одного только шкипера, и оттуда отправился и прибыл 19 июня 1711 года на пленной шкуне в Ревель. Здесь подняли они русский флаг и, отсалютовав крепости, бросили якорь.

⁵ Ныне город Таллин.

Государь обнял старика князя со слезами радости и, называя спасение его чудесным, взыскал его милостями своими и вскоре пожаловал ему две дворцовые волости в вотчину.

Первый поход

Двунадесятые⁶ годы у нас будто роковые: 1612-й памятен освобождением Москвы от сильных в то время ляхов с Литвою; 1812-й помним мы все сами – это французский, или наполеоновский, год; а в 1712 году государь Петр Великий выслал впервые созданный им корабельный флот русский на Балтийское море против неприятеля.

У нас было уже построено и спущено в Кронштадте, Петербурге и Архангельске несколько кораблей и фрегатов, другие куплены в Англии, Голландии. Шла война со шведом, но еще молоды были морские силы наши: ни искусных командиров и офицеров, ни опытных экипажей. «Надо учиться, – говаривал государь, – пусть нас побьют – выучимся бить других».

Доселе флот оберегал только наши берега. Летом 1712 года, когда государь был в Дании, замыслил высадку на остров Руген и склонял датчан к себе на помощь, первый вице-адмирал наш, Крюйс, стоял у Кронштадта с эскадрой. В ней было три корабля, два фрегата, две шнявы, одна бомбарда, шесть бригантин и двенадцать галер.

У Толбухина маяка показались два неприятельских корабля и одна шнява. Крюйс снялся с якоря и пошел навстречу; но перед ночью, милях в трех от неприятеля, опять бросил якорь. Тут получена весть, что у Сойкиной горы показалось еще десять шведских судов.

⁶ То есть двенадцатые.

На рассвете 24 июля вчерашние три неприятельских судна стали сами приближаться к нам с попутным ветром. Крюйс послал к ним навстречу два корабля и одну шняву, а потом и сам снялся. Шведы повернули и пошли в море. Ветер стал затихать; в помощь погоне нашей посланы четыре бригантины, а когда заштило, то приказано было галерам взять все парусные суда на буксир. В полдень ветер засвежел, бросили буксиры, но эскадра наша, несмотря на все старание свое, стала отставать от неприятеля. Не видя пользы в погоне, адмирал поднял белый флаг: прекратил погоню. Неприятель был в полуторе мили за косою, а наша эскадра – по сю сторону и притом очень растянулась.

Увидев это, шведы опять приблизились – вероятно, желая лучше высмотреть нашу эскадру и надеясь на ходкость своих кораблей. Они оказались в полумиле от наших передовых. Адмирал поднял опять красный флаг – знак погони, но неприятель стал уходить. Вечер наступил, и ветер все свежел – адмирал бросил якорь.

На другой и третий день шведская эскадра была еще в виду; но при очень свежем противном ветре адмирал, с неопытными моряками своими, не решился покинуть Кронштадта. Тем первая попытка наша кончилась.

Первое сражение на Балтийском море

Царь был недоволен этим первым походом против неприятеля и приказал Крюйсу в другой раз устраивать погоню так, чтобы догонять неприятеля.

В 1713 году царь намерился завоевать Финляндию. Он писал об этом: «Ничем так шведов к склонности к миру не приведем, как Финляндией), откуда все они довольствуются». В прошлом же (1712-м) году он писал Апраксину: «Когда Финляндию взять, то шведская шея мягче гнуться станет».

С весны государь отправил двести гребных судов с шестнадцатью тысячами войска в Гельсингфорс⁷, а сам воротился в Кронштадт для высылки парусной эскадры в море. Она, под командою вице-адмирала Крюйса, состояла уже из восьми кораблей и восьми мелких парусных судов, и государь был при эскадре этой контр-адмиралом под именем Петра Михайлова. В Ревеле стояли еще четыре корабля и один фрегат, купленный в Англии. Только в этом, 1713 году флот наш сходил в первый раз от Кронштадта до Ревеля. Государь дал об этом такое приказание: «Флоту идти к Ревелю, держа впереди три мелких судна для разведок. Если встретит неприятеля не по силам, то отступить; а коли по силам, то гнать, а в Ревель послать, чтобы тамошние корабли скорее выходили».

⁷ Ныне город Хельсинки, столица Финляндии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.